

23.00.02 Политические институты, процессы и технологии

УДК 297.17

DOI 10.22311/2074-1529-2019-15-2-121-134

М. Т. Степаняц

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт философии РАН, г. Москва

НА ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ СТЕРЕОТИПОВ (ФАКТОРЫ ПРОВОКАЦИИ ИСЛАМОФОБИИ)

СТЕПАНЯЦ Мариэтта Тиграновна —

д-р. филос. наук, проф., гл. науч. сотр., Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии РАН (109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1).
E-mail: marietta@iph.ras.ru

Аннотация. Одним из наиболее опасных стереотипов, порождающих предубеждение, дискриминацию и даже агрессию, в современном мире является исламофобия. Виновны в ее появлении политики, ученые, богословы, обыватели. Ответственность за умножение и распространение стереотипов лежит на средствах массовой информации (СМИ). Представители СМИ зачастую не отличают само вероучение от убеждений его последователей. Ислам и мусульмане — не синонимы, поскольку речь идет о поведенческих парадигмах. Такие оценки ислама, как радикализм, фанатизм, нетерпимость, терроризм и т. д., не оправданны и противоречивы. В статье обосновывается недопустимость использования самых распространенных полюсных прилагательных «радикальный» и «традиционный» в определении ислама. Предлагается проводить принципиальное различие между мусульманами — действующими лицами на политической арене — и мусульманами — участниками идейно-теологической полемики. В первом случае было бы адекватным называть «радикалов» воинственными фанатиками, а «традиционалистов» — толерантными мусульманами. Во втором случае речь могла бы идти о мусульманах-ортодоксах, с одной стороны, и обновленцах-реформаторах — с другой. Также в статье подчеркивается необходимость свободной полемики в мусульманском

сообществе с участием как авторитетных теологов, так и рядовых мусульман. Подобного рода дискуссии могли бы помочь ученым и представителям СМИ освободиться от стереотипов, которые провоцируют исламофобию.

Ключевые слова: стереотип, исламофобия, СМИ, радикализм, традиционализм, ислам, мусульманин, фанатизм, толерантность, ортодоксия, обновленчество-реформаторство.

Для цитирования: Степанянц М. Т. На пути преодоления стереотипов (Факторы провокации исламофобии) // Ислам в современном мире. 2019; 2: 121–134;

DOI: 10.22311/2074-1529-2019-121-134

Статья поступила в редакцию: 05.03.2019

Статья принята к публикации: 30.04.2019

Трагические события в Новой Зеландии, когда в марте 2019 года было совершено нападение на верующих в двух мечетях города Крайстчерч, в результате которого жертвами теракта стал 51 человек и еще почти столько же получили ранения, побудили нас обратиться к размышлениям об исламофобии.

Нет сомнения в том, что исламофобия стала зримой приметой современного мира, получив наибольшее распространение в Северной Америке, Европе и сохранив исторически сложившуюся устойчивость в Израиле и Индии. Тревожно, что и в России этого рода фобия усиливается. Тому есть немало причин, сопряженных главным образом с неизбежными трудностями сосуществования представителей разных этносов и вероисповеданий в границах одного государства — сначала Российской империи, затем СССР — «нерушимого союза народов», и, наконец, Российской Федерации.

В большинстве исследований, анализирующих причины формирования негативного образа ислама, утверждается, что толчком к этому стал теракт 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке¹. Полагаем, что импульс к воспроизводству академического ориентализма в самом жестком и прямолинейном ключе дали более ранние события. Начало было положено Исламской революцией 1979 года в Иране, которую возглавил аятолла Хомейни, — она упразднила монархию и установила теократическое правление. В 2003 г. последовала Иракская война, вторжение вооруженных сил США и их союзников в Ирак с целью свержения

¹ См. Ahmed, S., Matthes, J. (2017) Media representation of Muslims and Islam from 2000 to 2015: A meta-analysis // The International Communication Gazette. 2017. No. 79(3). Pp. 219–244.

власти Саддама Хусейна; серия протестов и демонстраций по всему Ближнему Востоку и в Северной Африке, получивших название «арабская весна», а также «арабская весна и зима», «арабское пробуждение», «панарабская революция», «арабские восстания» (Западная Сахара, Тунис, Алжир, Иордания, Египет, Йемен и др.); вооружённый конфликт на территории Сирии, начавшийся весной 2011 года как локальное гражданское противостояние, к которому с течением времени подключились не только основные государства региона, но и международные организации, военно-политические группировки и мировые державы.

Полагаем, что исламофобия приобрела массовое распространение не потому, что кого-то за границами мусульманского мира сильно взволновали гражданские протесты, внутренние столкновения, отсутствие демократии и т. п. Главное, что напугало, — иммиграция.

Примером крайне резкого выражения исламофобии может служить памфлет итальянской журналистки Орианы Фаллачи «Ярость и гордость (Предупреждение человечеству о превращении Европы в новый исламский халифат)»¹.

Он написан под непосредственным воздействием террористического акта 11 сентября. В нем немало говорится о мусульманских террористах, которыми, якобы, «кишат... мясные лавки, арабские грили и арабские кафе... арабские бани и, конечно же, мечети»². Однако более всего — «больше, чем бубонной чумы, больше, чем проказы, больше, чем нервно паралитического газа и даже ядерного оружия»³ — Фаллачи боится не терроризма, а процесса расширяющейся миграции.

Ее страшит вероятность уничтожения западной цивилизации исламским миром, ведомым мусульманскими фундаменталистами: «...и дело кончится минаретами вместо колоколен, паранджами вместо мини-юбок, верблюжьим молоком вместо наших коктейлей»⁴. Обращаясь к соотечественникам, она недоумевает: «Вы не понимаете, вы не хотите понять, что для них Запад — это мир, который исламу следует завоевать и поработить»⁵.

Можно ли людей, напуганных химерами, порожденными собственным болезненным сознанием, освободить от такого рода страхов? Единственный реальный путь к этому — вступить с ними в диалог для того, чтобы объяснить собственную позицию и понять другого.

Фаллачи, например, сравнивает мир ислама с горой, которая за всю свою историю «не двинулась, не стронулась из пропасти своей

¹ Oriana Fallaci. *La Rabbia e l'Orgoglio*. RCS Libri S-p.a. Milano, 2001; Фаллачи, Ориана. *Ярость и гордость*. М.: Вагриус, 2004. С. 160.

² Там же. С. 28–29.

³ Там же. С. 32.

⁴ Там же. С. 71.

⁵ Там же. С. 23.

слепоты, не открыла своих дверей перед завоеваниями цивилизации, ...и по сей день... ведет вегетативное существование в чудовищной темноте религии, не производящей ничего, кроме религии»¹. Заявление несправедливое, ибо именно исламский мир с самого момента зарождения открыл свои двери перед достижениями не одной, а многих культур. Это особенно верно применительно к иудейской, христианской, античной греческой, индийской, иранской культурам. Ислам не был столь репрессивен по отношению к философии и науке, сколь, скажем, византийская или католическая церкви. Примечательно, что мусульманство распространилось и укоренилось в странах с развитой городской цивилизацией, где процветала многовековая рационализированная культура. Первостепенным элементом ее было научное знание того уровня, до которого Европа еще не доросла, а Византия — уже утратила².

Казалось бы, подобный памфлет должен вызвать отрицательную реакцию у российского читателя. Однако развернутой критики в адрес О. Фаллачи в нашей печати не было. Тем не менее сошлемся на разумный, взвешенный отклик одного из участников дискуссии на сайте электронной библиотеки «Альдебаран» под никнеймом YasnayaElga³. В нем говорится, что Фаллачи чудятся «враги повсюду. В ситуации всеобщей повышенной тревожности этот тезис — беспроегрывный вариант. Скажите, что вы не согласны — и вас тут же накормят Бесланом, 11-м сентября и терактом на мюнхенской Олимпиаде. Всюду враги, не забывайте. Но они не просто враги, — пишет Фаллачи, — они — “наши враги”. Она обращается к читателю на ты, снимая личностный барьер, а дальше всё просто. Вам страшно, а тут те, кто с вами на одной стороне, у кого с вами общие враги, и они непременно ещё расскажут вам, кто виноват. Бей, хватай, круши»⁴.

Автор приведенного выше высказывания признается, что не написала бы отзыва, если среди откликов на брошюру не обнаружила бы «единомышленников» Фаллачи, которые оценили ее памфлет как «глобок свежего воздуха в газовой камере политкорректности»⁵.

Огромную ответственность за происходящее несут средства массовой информации, создающие и неустанно множащие ксенофобские стереотипы в отношении ислама и мусульман. Это убедительно продемонстрировала «кровавая бойня» в Крайстчерче: она, как

¹ Фаллачи, Ориана. Ярость и гордость. С. 25.

² См. Соколов В. В. Историческое введение в философию: история философии по эпохам и проблемам. М.: Академический Проект, 2004. С. 431–432.

³ Ориана Фаллачи. Ярость и гордость: рецензия YasnayaElga. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.livelib.ru/review/269907-yarost-i-gordost-oriana-fallachi> (дата обращения: 18.02.2019).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

известно, транслировалась онлайн и сопровождалась комментариями в режиме реального времени. Террорист намерено оставил множество отсылок и «ловушек для СМИ», чтобы это событие обсуждалось как можно шире.

Редактор «The Verge» — популярного американского веб-сайта о компьютерной технике, гаджетах и стиле жизни, Элизабетт Лопатто назвала свершившееся нападение «терактом в эпоху SEO»¹. Она отмечает, что убийца «отчаянно хотел внимания». Все аспекты нападения на мечети были «спродюсированы» так, чтобы они обсуждались в Интернете². Террорист Тарант заблаговременно сообщил о предстоящем нападении на имиджборде 8chan, там же оставил ссылки на стрим в Фейсбуке. Он использовал наголовную камеру, благодаря чему трансляция напоминала шутер от первого лица. Во время 17-минутного стрима действия австралийца активно обсуждали на 8chan и Reddit, где также появилась ссылка. Бойня в Новой Зеландии транслировалась в Фейсбуке, анонсировалась на 8chan, была скопирована на YouTube и распространена по всему миру. Наконец, Тарант оставил 73-страничный манифест, в котором рассказал о плане нападения, объяснил мотивы содеянного и назвал источники «вдохновения».

Возмущенная новозеландской бойней, некая Меган Коушик (Meghan Koushik) в тот же день написала в твиттере: «...стрелок активно использовал социальные сети до/во время стрельбы, чтобы распространять свою злобу и транслировать бойню. Вот почему белое превосходство нужно обуздать в соцсетях. Это не свобода слова, это реальные человеческие жизни»³.

В диссертационном исследовании С. А. Рагозиной «Политический образ ислама (на материале центральных российских печатных СМИ, 2010–2017)» приведена таблица прилагательных, относящихся к лексеме «ислам», с указанием частоты их использования⁴. Как показала таблица, в центральных органах печати первые пять мест занимают прилагательные: «радикальный» (663), «традиционный» (283), «политический» (146), «чистый» (118), «умеренный» (70). В таблицу входят и весьма неожиданные для определения ислама прилагательные: «правильный», «мягкий», «срединный», «забытый», «чистый», «оригинальный», «незапятнанный», «живодерский».

¹ SEO (англ. Search Engine Optimization) — поисковая оптимизация. Комплекс мер по внутренней и внешней оптимизации для поднятия позиций сайта в результатах выдачи поисковых систем по определённым запросам пользователей с целью увеличения сетевого трафика.

² Стрельба в Новой Зеландии как самый задокументированный теракт в истории соцсетей. [Электронный ресурс] // URL: <https://tjournal.ru/internet/90396-strelba-v-novoy-zelandii-kak-samyu-zadokumentirovannyy-terakt-v-istorii-socsetey> (дата обращения: 18.02.2019).

³ Там же.

⁴ Рагозина С. А. Политический образ ислама (на материале центральных российских печатных СМИ, 2010–2017): дис. ... канд. полит. наук. М., 2019. С. 72.

Приведенные выше определения никоим образом не являются характеристиками сути вероучения. Речь идет о **поведенческих** парадигмах: радикализм, фанатизм, нетерпимость, терроризм и т. д. Подобные оценки ислама как религии не оправданны, противоречивы, сбивают с толку.

Взять, например, самые распространенные два полюсных прилагательных: «радикальный» versus «традиционный». Начнем с первого. В словарях на разных языках, в том числе и русском, под радикализмом имеется в виду **образ мыслей и действия человека или группы людей**. Уже поэтому недопустимо применять это определение к религии — вероучению. Кроме того, антонимом радикализма является консерватизм. В современном же политическом лексиконе, напротив, — радикальный ислам отождествляется с консерватизмом. Наконец, напомним об этимологии слова «радикализм». Еще в словарях начала XIX века (с 1806 г.) отмечается, что оно производно от «радикал», заимствованного из французского языка (фр. radical лат. radix 'корень'). Как же в таком случае можно противопоставлять укорененное традиционному?

В понятие «традиционный ислам» вкладываются разные смыслы. Мусульманские радикалы настаивают на том, что именно они, более всего ваххабиты, отстаивают «настоящий», «чистый», «незапятнанный», «ортодоксальный», «правильный», «забытый» ислам. Мусульманское сообщество в России, в особенности на Северном Кавказе под «традиционным исламом» имеет в виду прямо противоположное ваххабизму, а именно, так называемый, «тарикатизм», т. е. ислам суфийских орденов-тарикатов.

Незадолго до смерти (от рук террористов) министр по национальной политике, информации и внешним связям Дагестана З. С. Арухов писал, что важнейшая политическая причина противостояния ваххабитов, называвших себя сторонниками Сунны, и последователей самого влиятельного накшбандийского тариката заключалась «в салафитском осуждении форм поклонения, осуществляемых тарикатистами. Столь же непримиримыми были их позиции в подходах к нормам единобожия, основам шариата, понятию идеи предопределения»¹. Традиционный ислам в Дагестане структурно вписан в систему исторически сложившегося социально-политического порядка, основанного на клановых связях, что считается ваххабитами неприемлемым.

Иначе определяет традиционный ислам, скажем, муфтий Татарстана К. Самигуллин. По его словам, «Традиционный ислам — это просто

¹ Арухов З. А. Поиски этнической и религиозной идентичности в Дагестане // Религия и идентичность в России / сост. и отв. ред. М. Т. Степанянц. М.: «Восточная литература», 2003. С. 187.

термин, который дает нам возможность понять всю полноту нашей религии. Именно традиционный ислам — это настоящий, чистый ислам, фундамент жизни мусульман»¹.

Споры о том, что является «истинным» исламом, в последние годы ведутся в контексте общероссийской дискуссии, развернувшейся между отечественными «коранитами» и «хадиситами». К первым относят ряд видных экспертов по исламу и духовных лиц. В частности Тауфика Камель Ибрагима — доктора философских наук, профессора, главного научного сотрудника Института востоковедения РАН.

Далее называют имя Арслана Садриева, отстраненного в июне 2017 года от должности имама-мухтасиба Московской области и имама-хатыба Местной религиозной организации мусульман Сергиево-Посадского района².

К числу видных «коранитов» причисляют также Рустама Батрова, бывшего заместителя муфтия Татарстана. Его, как и других «коранитов», обвиняют в том, что он отрицает Сунну. В ответ он разъясняет: «Я веду речь о том, чтобы избавить ислам и наше наследие от ложно приписываемых Пророку идей, от псевдохадисов и псевдосунны... Если Пророк был реформатором арабского джахилийского (языческого) общества, то позднее наступила контрреформация, и в итоге часть людей пытается вернуть в ислам то, от чего он отказался. ...Они попытались сделать это, приписав Пророку те или иные дела или поступки. Под прикрытием хадисов они частично возвращают в ислам то, от чего он отказался. ...В Сунне можно... отделить те хадисы, что соответствуют Корану, и те, что ему не соответствуют. ...Не надо разрушать ислам, его традицию. Однако если в эту традицию оказывается “вмонтированным” нечто, оборачивающееся против нас, например, оправдание терроризма, экстремизма, то здесь мы должны быть принципиальными и сказать: “В Коране этого нет, в подлинной Сунне этого нет. И это не должно быть в нашей жизни”»³.

Термин «кораниты» оценивается теми, кого так называют, как «ярлык», которым недобросовестно оперируют их противники. Сами они предпочитают называть себя джадидитами (обновленцами), реформаторами. «В исламе, — разъясняет Тауфик Ибрагим, — тажидид/“обновление”, как то следует из известного хадиса нашего Пророка об обновленце в начале каждого столетия, — это перманентная установка. На более общем языке — это “реформаторы”, то есть те, которые

¹ Самигуллин К. О традиционном исламе // Islam Today. [Электронный ресурс] // URL: https://islam-today.ru/blogi/kamil_xazrat_samigullin/o-tradicionnom-islame/ (дата обращения: 18.02.2019).

² Муфтий шейх Равиль Гайнутдин лишил духовного сана Арслана Садриева. [Электронный ресурс] // URL: <http://dumrf.ru/common/event/12483> (дата обращения: 18.02.2019).

³ Из беседы Валерия Емельянова с Рустамом Батровым для «Портала-Credo.Ru» <https://credo.press/218339/> Опубликовано: 15.05.2018 (дата обращения: 18.02.2019).

“переоформляют” вечную религиозную истину, облачают ее в форму, соответствующую современным реалиям, модифицируют “внешнюю букву”, сохраняя глубинное содержание»¹.

Значимость «обновленчества» для мусульманского сообщества разъясняет Дамир Мухетдинов — ректор Московского исламского института, главный редактор ИД «Медина».

В своем интервью, опубликованном под примечательным заголовком «Историческая победа ахл ал-хадис — это победа доисламского мышления внутри мусульманской традиции», он говорит о главной особенности обновленческого движения, которая состоит в том, что «мыслители реформаторского типа полностью переориентируют нас с законнического и бытового понимания Откровения и поклонения в сторону *этического понимания...*»². Согласно реформаторскому подходу обновлению подлежит не ислам, а наше понимание его вероучения. Следует противостоять механическому переносу моделей поведения и социальных отношений, характерных для Хиджаза VII века, в современную жизнь. Реформаторы отдают предпочтение разуму и интуиции человека в определении того, что этично и соответствует духу коранического откровения, а что неэтично и богопротивно³.

Суммируя свои доводы, он отмечает, что, «хадисы могут мыслиться как вспомогательное средство для реконструкции исторической обстановки Хиджаза VII в. и прояснения Сунны, но они не являются “сосудом”, в который помещена вся Сунна. Кроме того, необходимо обращение к методологии современного исламоведения для проверки хадисов на подлинность, поскольку процедура верификации, характерная для IX в., уступает в степени точности современным критическим методам»⁴.

В ноябре 2017 года была предпринята попытка в рамках проекта «Школа мусульманского лидера» Ресурсного центра по развитию исламского и исламоведческого образования Казанского федерального университета выйти на открытую дискуссию. Однако вскоре после закрытия «Школы» было подготовлено обращение 74 религиозных и общественных деятелей с просьбой запретить «сомнительные теологические споры». В итоге Совет улемов Духовного управления

¹ Тауфик Ибрагим: «В России, к сожалению, мусульмане до дискуссии еще не доросли»: интервью с известным философом и исламоведом о «коранизме», спорах с «традиционалистами», муфтиятах, скандальной фетве и богословах. Опубликовано в 18.12.2018. [Электронный ресурс] // URL: <https://realnoevremya.ru/articles/123702-intervyu-s-islamovedom-taufikom-ibragimom> (дата обращения: 18.02.2019).

² Мухетдинов Д.В. «Историческая победа ахл ал-хадис — это победа доисламского мышления внутри мусульманской традиции» // Ислам в современном мире. 2017. Т. 13. № 1. С. 187.

³ Там же. С. 188–189.

⁴ Там же. С. 201.

мусульман Российской Федерации и Совет муфтиев России приняли Богословское заключение (фетва) № 6/18.

То, что в настоящее время в России характеризуется как разногласия между коранитами и хадиситами, по существу, аналогично противостоянию, наблюдаемому в других странах. При этом участники дискуссии могут выступать под разными именами, например модернистов и реформаторов, с одной стороны, и ортодоксов, традиционалистов — с другой. В каждом случае требуется выяснить, что именно скрывается за этими наименованиями.

Приведем пример, который мало известен российским читателям. Гулям Ахмад Парвез (1903–1985) был одним из наиболее видных оппонентов мусульманской ортодоксии. Он возглавлял общество «Идарат ал-ислам», возникшее в Индии (в Дели) в 1938 году, а после раздела страны в 1947 г. функционировавшее в Пакистане. Автор семитомного комментария к Корану и многочисленных публицистических работ, Г. А. Парвез критически относился к фикху и хадисам. По его мнению, «вся структура средневекового права и теологии абсолютно ошибочна», а хадисы не представляют собой части истинного исламского учения¹. Все сложности и слабости пакистанского общества проистекают из того, что здесь существуют «две взаимоисключающие системы... одна — базирующаяся на Коране, другая — на хадисах»². Исходя из этого, Парвез считал необходимым решать проблемы современного мусульманского общества, и в частности пакистанского, обращаясь только к Корану, «ибо ничто кораническое не может быть плохим», а прошлое мусульманства «следует отринуть как эпоху темноты, у которой нечему учиться, за исключением периода жизни Пророка и первых четырех халифов»³.

В письмах к молодежи Парвез призывал создавать идеальное исламское общество, в котором все средства производства были бы переданы в собственность государства. Он ссылаясь на аят 112 (111) суры 9: «Поистине, Аллах купил у верующих их души и их достояние за то, что им — рай! ...Радуйтесь же своей торговле, которую вы заключили с Ним! Это ведь — великий успех!»⁴ Данный стих он интерпретировал следующим образом: «Люди доверяют жизнь и собственность государству, оно берет на себя осуществление законов божьих и обеспечивает им *джанна*». Парвез утверждал, что слово «джанна» используется в Коране не только в значении рая после смерти,

¹ Парвез Г. А. Селим ке нам (Письмо к Селиму). Т. 1. Karachi: Idara-e Tulu'-e Islam, 1953. (на яз. урду). С. 74–79.

² Цит. по: McDonough S. The Authority of the Past. A Study of Three Muslim Modernists. Chambersburg, 1970. P. 39.

³ Там же.

⁴ Коран: перевод смыслов и коммент. И. Ю. Крачковского. М., 2008.

но и в значении «социального порядка здесь, на земле, когда каждому человеку гарантируется все то, что нужно ему для физического и духовного развития»¹.

Примечательно, что, характеризуя Г. А. Парвеза, соотечественники называют его «видным коранитом (prominent 'Quranist'), или мусульманским теологом, настаивающим на том, что для прогресса мусульман в современном мире исламская мысль и законы должны базироваться исключительно на современной интерпретации Корана»².

В 60–80 гг. прошлого столетия, занимаясь изучением философии и общественной мысли в Пакистане, а позже — в мусульманском мире XIX–XX вв., мы попытались определить типологию существовавших в те времена направлений. Думалось допустимым выделить четыре основных типа религиозного сознания, а именно: ортодоксию, модернизм, реформаторство и «возрожденчество»³. Последнее в те годы было принято именовать в зарубежной печати «Islamic revivalism». По нашему мнению, в научной литературе и средствах массовой информации «возрожденчество» трактовалось односторонне — как консерватизм, преследующий цель возродить средневековые установки и институты. Не принимались во внимание принципиальные различия, вкладываемые в понятие «возрождение», когда имелась в виду не консервация устаревшего, а обновление — реформаторство посредством реконструкции, очищения от наслоений времени и искажений пророческого послания.

Чтобы понять глубинный замысел тех, кого можно отнести именно к представителям указанного выше варианта возрожденчества, было бы полезно обратиться к «Реконструкции религиозной мысли в исламе» Мухаммада Икбала. Поэт-философ намеренно озаглавил собрание своих реформаторских по направленности лекций «**реконструкцией**» мусульманской религиозной мысли, т. е. связал их с восстановлением истинного духа ислама. Он реализовал свой замысел через осмысление идеалов ислама, исходя из убеждения, что стержневой идеей исламского мировоззрения является «представление о мире как о реальности», которая может быть изменена, усовершенствована, освобождена от зла и страданий. Эта задача подвластна человеку, который, по убеждению Икбала, есть «свободное ответственное существо, творец собственной судьбы, освобождение которого находится в его собственных руках»⁴.

¹ Parwez G. A. Islamic Ideology. Lahore, 1957. P. 15.

² Paracha, Nadeem. «The volatile fusion: Origins, rise & demise of the 'Islamic Left'». Dawn.com. Dawn News. Retrieved 27 August 2015.

³ Степанянц М. Т. Ислам в философской и общественной мысли зарубежного Востока XIX–XX вв. М.: «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1974. С. 7.

⁴ Икбал М. Реконструкция религиозной мысли в исламе / пер. с англ., предисл. и коммент. М. Т. Степанянц. М.: Восточная литература, 2002. С. 150.

М. Икбал ставит вопрос: «Способно ли мусульманское право к эволюции?»¹ «Я не сомневаюсь, — пишет он, — что углубленное изучение огромной мусульманской юридической литературы обязательно избавит современного критика от поверхностного суждения относительно мусульманского права как неподвижного и неспособного к развитию. К сожалению, консервативная мусульманская общественность этой страны (Индии) еще не готова к критическому обсуждению *фикха*...»²

Сказанное выше заставляет задаться вопросом: не следует ли проводить принципиальное различие между мусульманами (а не исламом!), как действующими лицами на политической арене, и мусульманами — участниками идейно-теологической полемики? Не было бы более правильным в первом случае называть «радикалов» воинственными фанатиками, а «традиционалистов» — толерантными мусульманами? Во втором случае речь могла бы идти о мусульманских ортодоксах, с одной стороны, и обновленцах-реформаторах — с другой.

Мы не случайно заканчиваем статью вопросами и хотим тем самым подчеркнуть необходимость свободной полемики в мусульманском сообществе с участием авторитетных теологов и рядовых мусульман. Самостоятельность суждения — *иджтихад* — была и остается ценнейшим достижением ислама.

Подобного рода дискуссии могли бы помочь как ученым, так и представителям СМИ при оценке настроений в современном мусульманском сообществе освободиться от стереотипов, которые провоцируют исламофобию.

Литература

Арухов З. А. Поиски этнической и религиозной идентичности в Дагестане // Религия и идентичность в России / отв. ред. М. Т. Степанянц. М.: «Восточная литература», 2003. С. 177–191.

Икбал М. Реконструкция религиозной мысли в исламе / пер. с англ., предисл. и коммент. М. Т. Степанянц. М.: Восточная литература, 2002. 200 с.

Мухетдинов Д. В. «Историческая победа ахл ал-хадис — это победа доисламского мышления внутри мусульманской традиции» // Ислам в современном мире. 2017. Т. 13. № 1. С. 185–208.

Парвез Г. А. Селим ке нам (Письмо к Селиму). Т. 1. Karachi: Idara-e Tulu'-e Islam, 1953 (на яз. урду). С. 74–79.

¹ Икбал М. Реконструкция религиозной мысли в исламе. С. 155.

² Там же. С. 155–156.

Рагозина С. А. Политический образ ислама (на материале центральных российских печатных СМИ, 2010–2017): дис. ... канд. полит. наук. М., 2019, 223 с. это новый источник, его нужно в референсис включить.

Соколов В. В. Историческое введение в философию: история философии по эпохам и проблемам. М.: Академический Проект, 2004. 912 с.

Степанянц М. Т. Ислам в философской и общественной мысли зарубежного Востока XIX–XX вв. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1974. 202 с.

Фаллачи О. Ярость и гордость. М.: Вагриус, 2004. 159 с.

Ahmed S., Matthes J. Media Representation of Muslims and Islam from 2000 to 2015: A Meta-Analysis // *The International Communication Gazette*. 2017. No. 79(3). Pp. 219–244.

Fallaci O. *La Rabbia e l'Orgoglio*. RCS Libri S-p.a. Milano, 2001. 198 p.

McDonough S. *The Authority of the Past. A Study of Three Muslim Modernists*. Chambersburg: American Academy of Religion, 1970.

Parwez G. A. *Islamic Ideology*. Lahore: Idara-e Tulu'-e Islam, 1957.

Paracha N. *The Volatile Fusion: Origins, Rise & Demise of the 'Islamic Left* // Dawn.com. Dawn News. (27.08. 2015).

References

Ahmed S., Matthes J. (2017) Media Representation of Muslims and Islam from 2000 to 2015: A Meta-Analysis. *International Communication Gazette*. No. 79(3). Pp. 219–244.

Aruhov Z. A. (2003). Poiski etnicheskoi i religioznoi identichnosti v Dagestane [Searching of Ethnic and Religious Identity in Dagestan]. *Religiya i identichnost' v Rossii*. Moscow: Vostochnaya literatura. Pp. 177–191.

Fallaci O. (2004) *Yarost i gordost* [Rage and Proud] Moscow: Vagrius. 159 p.

Fallaci O (2001). *La Rabbia e l'Orgoglio*. RCS Libri S-p.a., Milano.

Oxford University Press. 198 p.

Iqbal M. (2002). *Reconstructia religioznoi mysli v islame* [Reconstruction of Religious Thought in Islam]. Moscow: Vostochnaya literatura. 196 p.

McDonough S. (1970) *The Authority of the Past. A Study of Three Muslim Modernists*. Chambersburg: American Academy of Religion. 1970. 56 p.

Muhetdinov D. (2017) Istoricheskaya pobeda ahl al-hadith — eto pobeda do islamskogo mishleniya vnutri musulmanskoj traditsii [Historical Win of Ahl Al-Hadith as a Win of Pre-Islamic Thought Inside the Islamic Tradition]. *Islam v sovremennom mire*. Vol. 13 (1). Pp. 185–208.

Paracha N. (2015) *The Volatile Fusion: Origins, Rise & Demise of the 'Islamic Left*. Dawn.com. Dawn News. (27.08.2015).

Parvez G. A. (1953) *Selim ke nam* [Letter to Selim] (in Urdu). Vol.1. Karachi: Idara-e Tulu'-e Islam. Pp. 74–79.

Parwez G. A. (1957) *Islamic Ideology*. Lahore: Idara-e Tulu'-e Islam

Ragozina S. A. (2019). *Politicheskij obraz islama (na materiale central'nyh rossijskih pechatnyh SMI, 2010–2017)* [Political Image of Islam According to Centralized Russian Printed Media, 2010–2017]. Thesis.

Sokolov V. V. (2004) *Istoricheskoe vvedenie v filosofiyu* [Historical Introduction in Philosophy] Moscow: Akademicheskii proekt. 912 p.

Stepanyants M. T. (1974) *Islam v filosofskoi i obshchestvennoi misli zarubezhnogo vostoka* [Islamic Philosophy and Social Thought (XIX–XX Centuries)] Moscow: Vostochnaya literatura. 202 p.

OVERCOMING STEREOTYPES (FACTORS WHICH PROVOKE ISLAMOPHOBIA)

Abstract. In the modern world Islamophobia is one of the most dangerous types of negative stereotypes that give rise to prejudices, discrimination and even aggression. Laypeople and politicians, scholars and theologians bear responsibility for multiplication and distribution of stereotyping in media. The journalists too often are not capable to distinguish religion from its believers. Islam and Muslims are not synonyms: in fact, we are talking about behavioral paradigms of the believers, not about their sacred teaching. Evaluation of Islam as radical, fanatic, intolerant, terrorist, etc., is unjustified and inconsistent. The article argues inadmissibility of using the most common polar adjectives like “radical” and “traditional” for defining Islam. It is proposed to carry out the fundamental distinction between the actors at the political front and the participants of ideological and theological polemics. In the first case, it would be appropriate to name «the radicals» as the militant fanatics, while «the traditionalists» as the tolerant Muslims. In the second case, it might be more precise to name one side as the Muslim orthodoxy, while the opposite side — renewal movement or religious reconstruction. The need to free debates involving both the reputable theologians and the ordinary Muslims is urgent. This kind of discussion might help both scholars and media representatives to free themselves from stereotypes that instigate Islamophobia.

Keywords: stereotype, Islamophobia, media, radicalism, Muslim, Islam, traditionalism, fanaticism, tolerance, orthodoxy, renewal, reformation.

Marietta T. STEPANYANTS,

Dr. Sci. (Philos.), Full Professor, Honored Scholar of the Russian Federation, Main Researcher, Institute of Philosophy, RAS.
(Bld. 1, 12, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation).
E-mail: marietta@iph.ras.ru

